

Содержание

Об этой книге и её авторе	7
Предисловие	9
Человек, пожелавший золота	12
Самый богатый человек в Вавилоне	24
Семь заплат для дырявого кошелька	48
<i>Указ Царя Вавилона</i>	49
<i>Семь принципов богатства</i>	50
Первый принцип: начни кормить свой кошелёк	55
Второй принцип: контролируй свои расходы	58
Третий принцип: позволь своему золоту множиться	61
Четвёртый принцип: береги свои вложения от потерь	64
Пятый принцип: стань обладателем собственного дома	67
Шестой принцип: позаботься о безбедном будущем	70
Седьмой принцип: совершенствуй свой навык зарабатывать деньги и будь достойным человеком	73
Приветствуйте госпожу Удачу	80
Пять законов золота	98
Первый закон золота	113
Второй закон золота	114
Третий закон золота	114
Четвёртый закон золота	115
Пятый закон золота	115

О долгах и должниках. Истории из сундука	118
Стены Вавилона защитят тебя	138
Торговец верблюдами из Вавилона	146
Глиняные таблички из Вавилона	164
Табличка 1	167
Табличка 2	169
Табличка 3	170
Табличка 4	171
Табличка 5	174
Самый удачливый человек в Вавилоне	182
Вавилон — великий город древности.	
Исторический очерк	212

Об этой книге и её авторе

Джордж сэмпюэль клейсон родился в штате Луизиана в далёком 1874 году. Окончив университет, он отправился сражаться на испано-американскую войну, откуда ему повезло вернуться целым и невредимым. Покончив с ружьями и порохом, Клейсон основал небольшое издательство, и похвастаться оно может тем, что выпустило первый в истории атлас дорог США и Канады.

В 1926 году Клейсон, уже набивший руку в предпринимательстве, стал публиковать очерки о том, как правильно экономить и достичь финансового успеха. Для своих историй он выбрал необычную форму — это были притчи о жителях древнего Вавилона. Казалось бы, причём здесь Вавилон?

Именно в той далёкой мудрости черпал свои знания Джордж Клейсон. Источником его притч служили глиняные таблички с клинописью, найденные на территории Междуречья и датированные периодом Вавилонского царства. Тогда оно было самым процветающим государством на всей известной земле. Древний писарь, чьего имени история нам не оставила, сохранил знания

торговцев, ростовщиков и «предпринимателей» того времени. Информацию о табличках подтвердила Ассоциация британских археологов: Джордж Клейсон не раз обращался к ним за помощью в переводе клинописи.

Одна из таких притч, «Самый богатый человек в Вавилоне», стала классикой бизнес-литературы. Предприниматели, банкиры, страховщики и просто те, кто желал стать богаче, оценили простоту и эффективность данных в ней советов. И да, большинство из них действительно смогло увеличить свой капитал. А теперь сделать это сможете и вы.

Предисловие

ПРОЦВЕТАНИЕ ГОСУДАРСТВА — СОБИРАТЕЛЬНЫЙ ОБРАЗ, КОТОРЫЙ складывается из реального финансового благополучия каждого из нас. Эта книга написана как раз для того, чтобы помочь добиться личного процветания. Помните, что успех — это то, чего мы достигаем, прилагая усилия и используя наши способности. Но это уже сам процесс, а прежде чем к нему приступить, нужно подготовиться и запастись знаниями. Ведь чтобы сложить два и два и получить четыре, а не пять, мы должны понять, что такое «два» и что такое «сложить». Ум определяет наши действия, а значит, и результат.

Эта книга — лекарство от тощего кошелька. Она действует как проводник по непростому миру финансов и помогает заработать деньги, сохранить их и приумножить.

Автор этой книги приветствует новых читателей и желает им наполнить свои кошельки и банковские счета, прийти к новым вершинам финансового успеха и решить все свои денежные проблемы. Так, как это уже сделали многие читатели, о чём и рассказали мне с великим энтузиазмом.

Пользуясь случаем, автор выражает сердечную благодарность всем тем, кто, достигнув успеха, передаёт эти знания дальше, рекомендуя книгу коллегам, партнёрам, родственникам и друзьям. Лучшая похвала — рекомендация тех, кто на практике применил изложенные мной принципы и понял: они работают.

Вавилон — богатейший город Древнего мира, то место, где зародились основы финансовой грамотности. Его процветание строилось на том, что его жители умели делать деньги из денег. И пусть теперешний мир изменился до неузнаваемости, основы и принципы богатства остались теми же, что и прежде, — и работают они по сей день. Туда, в сияющий золотом город Вавилон, мы и отправимся сквозь время, чтобы изучить их.

**ЧЕЛОВЕК,
ПОЖЕЛАВШИЙ
ЗОЛОТА**

ЖИЛ В ДРЕВНЕМ ГОРОДЕ ВАВИЛОНЕ ЧЕЛОВЕК ПО ИМЕНИ Бансир. Был он не раб и не царь — обычный, в сущности, человек. Бансир искусно мастерил колесницы для знатных горожан, но сам был небогат. Даже беден.

В тот день он сидел, привалившись к стене, окружавшей его землю, и мрачно взирал на свою мастерскую с недоделанной колесницей, на простенький глиняный домишко. В дверях дома то и дело появлялась его жена и глядела на него с недовольством. Муки осталось совсем немного, мясо и вовсе закончилось. Значит, Бансиру пора бы уже приняться за работу — дострогать и выковать детали, отполировать и покрасить всё, что нужно. Натянуть кожу на обода колёс. И пригнать уже наконец колесницу к воротам покупателя, чтобы получить заслуженную плату.

Но Бансир не спешил. Он продолжал сидеть, подставляя своё плотное тело жаркому солнцу, выжигавшему долину реки Евфрат. Голову нещадно пекло. Капли пота собирались на лбу, сбегали по грязной шее и терялись на груди, поросшей жёстким волосом. Бансир

размышлял над проблемой, которая лишала его покоя вот уже много лун.

Со своего места он видел стены, окружавшие ослепительный царский дворец. Он видел, как тянется к самому небу храм Ваала — расписной, высокий и грандиозный. Храм подминал под свою тень дом ремесленника Бансира, как и множество других домов, небогатых и невзрачных. Таков был великий город Вавилон: нищета и роскошь, золото и грязь — всё перемешалось внутри его стен.

Стоило Бансиру лишь оглянуться на дорогу, он бы увидел, как следуют по ней, поднимая пыль, вельможи в своих колесницах и босоногие нищенки. Как топчут землю сандалии торговцев, стёртые пятки рабов и копыта мулов. Но даже богачам приходилось сворачивать с тракта в придорожные канавы, давая путь царским водоносам — рабам, которые несли воду для орошения висячих садов. Долгие колонны закованных в цепи людей, обвешанных кожаными бурдюками. Чего стоит твой кошелек с золотом, когда Царю важнее вода для его прекрасных садов? Но было бы здорово думать об этом, имея этот самый кошелек.

Внезапные звуки лиры прервали мысли Бансира. Приятная мелодия пробилась через шум большого города — это пришёл его лучший друг, музыкант Кобби.

— Да благословят тебя боги и осенят своей радостью, — мелодично, под стать звучанию своей лиры, приветствовал он Бансира. — Но я вижу, что они уже

позаботились о тебе и освободили от работы? Тогда позволь и мне вкусить немного твоей удачи. Коли уж твой кошелёк полон, не поделишься ли ты со мной парой медяков? Вечером я буду играть в доме у знатных господ, так что ты не успеешь пожалеть об их отсутствии — я верну их почти сразу же.

— Будь у меня пара этих несчастных медяков, Кобби... — мрачно бросил Бансир. — Я бы не стал их одалживать тебе, друг мой. Ведь это было бы всё моё состояние. Никто так не делает — не одалживает кому-либо всё, что есть. Будь он хоть друг, хоть брат.

— Как же так? — удивился Кобби. — Твой кошелёк пуст, а ты сидишь здесь мраморной статуей, подставляешь своё лицо солнцу... Почему? Я вижу, что колесница стоит недоделанной и ждёт руки мастера. Или ты думаешь, что деньги сами потекут к тебе с неба? Не узнаю тебя, друг мой! Где же твой пыл? Какие беды заставили его угаснуть?

— Должно быть, это боги ниспослали на меня бедовые мысли, — согласился Бансир. — Однажды ночью мне был послан сон, ужасно нелепый. В нём я был богачом, Кобби. Мой кошелёк был туго набит медяками, которые я с лёгкой руки раздавал беднякам. Было в нём и много серебряных сикелей, на которые я баловал жену украшениями, тканями и маслами. И золото! Много золота. Когда я держал его в ладонях, я не боялся за грядущее, как и не боялся тратить серебро в настоящем. Я был уверен в завтрашнем дне и даже в том, что придёт после него, и после. Знал бы ты, какая радость меня переполняла при этом!

Ты бы не узнал в этом счастливом человеке своего вечно хмурого друга. И жены бы моей не узнал — во сне она была молода и прекрасна, как в первые дни нашей с ней жизни.

— Боги послали тебе замечательный сон. Но если ты был в нём так счастлив, отчего же сидишь и хмуришься теперь?

— Отчего? Дорогой друг Кобби, так ведь после этого я проснулся! Таким, каков я есть на самом деле, — с пустым кошельком да глиняным домишкой. Не имеющим даже пары медяков, чтобы одолжить другу. И когда я это понял, то стал мрачнее тучи. Мы с тобой в одной лодке, как говорят рыбаки, так что позволь объяснить. Вот мы всегда жили так, как заведено: юнцами впитывали мудрые наставления жрецов, крепко дружили и наслаждались жизнью, будучи молодыми. Став мужчинами, мы сохранили добрую дружбу, зарабатывали деньги и тут же их тратили. Да, мы работали от рассвета и до первых звёзд, спускали всё в трактирах — но мы познали радость жизни! Хорошо это, скажешь ты? Нет! Мы, глупые бараны, так и не коснулись того, что зовётся богатством. Оглянись, друг Кобби, — что ты видишь? Взгляни на башню храма Ваала, на дорогие колесницы на тракте. Мы живём в самом богатом городе мира! Пилигримы и торговцы всех мастей в один голос твердят, какой роскошный и сияющий наш Вавилон, на каких горах из золота он возвёл своё величие. Мы с тобой не слепцы и сами видим всё это, но богатство Вавилона прошло мимо

нас. Ты проработал уже половину жизни, трудился честно и усердно. Но твой кошелёк пуст, и ты спрашиваешь о паре медяков в долг. О паре медяков! А я, тоже никогда не чуравшийся работы, вынужден отказать тебе в этой просьбе, потому что нет у меня этих медяков. Что же это такое? Почему у нас нет столько золота и серебра, чтобы всегда хватало и на мясо, и на богатые ткани для наших жён? И на подаяния нищим.

Бансир отвернулся и посмотрел на расписную башню храма Ваала, которая упиралась в само небо, словно протягивая руку богам для вежливого приветствия.

— Наши сыновья идут тем же путём, друг мой. Они мечтают, чтобы их дети и дети их детей жили в достатке, при этом сами не мыслят дальше постной похлёбки и козьего сыра. И не будет богатства ни у них, ни у детей их детей.

— Мне странно слышать от тебя такие речи, друг Бансир, — опешил музыкант Кобби.

— Потому что я никогда раньше не думал о таком. Тоже жил от похлёбки до похлёбки. Но трудился честно до первых звёзд, мастерил такие колесницы, в которых не стыдно ездить ни вельможе, ни царю. И наивно полагал, что боги заметят мои старания и мне всё воздастся. Но жизнь уже близится к закату, скоро взойдут и мои первые звёзды — а что я? Боги оказались слепы к ремесленнику Бансиру и, наверное, уже не пошлют мне никакой награды. От этого я так мрачен и печален, друг Кобби.

Я БЫ ХОТЕЛ ЖИТЬ ТАК, КАК В ТОМ СНЕ, — ОЩУЩАТЬ ТЯЖЕСТЬ ЗОЛОТА В КОШЕЛЬКЕ, ВЛАДЕТЬ ЗЕМЛЯМИ И СКОТОМ, НЕ ОТКАЗЫВАТЬ СЕБЕ НИ В КАКИХ БЛАГАХ. И ЗНАЕШЬ, Я ГОТОВ СДЕЛАТЬ ДЛЯ ЭТОГО ВСЁ.

Готов работать хоть ночи напролёт, трудиться ещё усерднее. Но даст ли это хоть что-то? Я так делал всю жизнь, но боги не оценили моих стараний. И твоих тоже. Так что с нами не так? Почему у нас не выходит хоть немного коснуться величия Вавилона, самого богатого города из всех, что существуют?

— Эх, знал бы я, что тебе ответить, Бансир... — вздохнул Кобби. — Я живу той же жизнью, что и ты. Все деньги, что я зарабатываю игрой на лире, уходят сразу же. Я иду на всякие ухищрения, чтобы прокормить свою семью, — а это не всегда просто. Вот будь у меня лира, такая искусная, чтобы вытаскивала музыку прямо из моего сердца и протягивала звуки-ниточки к слушающим... Сам царь, должно быть, никогда не слышал ничего более прекрасного.

— Ты был бы достоин такой лиры. Никто не играет лучше тебя во всём Вавилоне, и, будь у тебя самый волшебный из всех инструментов, ты бы тотчас стал играть во дворце. Но ты не можешь купить себе такую лиру. Мы с тобой бедны, как распоследние рабы.

Со стороны дороги вдруг зазвучал колокольчик.

— А вот и они! — Бансир указал на тракт, по которому шагала вереница рабов, скованных цепями по пять человек в ряд. Потные и грязные, они несли бурдюки с водой для висячих садов, низко пригибаясь к земле от непосильной ноши.

— Посмотри-ка на их надсмотрщика, — Кобби показал пальцем на человека, легко шагавшего впереди колонны и задававшего темп звуком колокольчика. — Статный, ладный — очень неплохо для выходца из его племени.

— Среди них много статных людей. Даже симпатичных. Светлые люди с севера, смуглые — из соседних земель. А какие улыбки у чернокожих южан! Если бы всех их так не сгибал непосильный труд, если бы их умыть да накормить хорошенько — чем они тогда отличались бы от нас? Но день за днём путь у них один — от реки к садам, от садов к реке и так до бесконечности. А в перерывах — жидкая солома на земляном полу да овощная похлёбка. Жаль мне их, друг Кобби! Сжимается сердце.

— Мне их тоже жаль. Но разве мы живём какой-то совсем другой жизнью? Быть может, солома помягче да похлёбка понаваристее, но мы — те же рабы. Разве что получаем жалкие медяки за свой нескончаемый путь «от реки до садов и обратно». Это называется «быть свободным».

— Верно говоришь. Но так неприятно думать об этом! Мечтали ли мы о такой жизни, будучи юнцами? Знали ли мы, что недалеко уйдём от рабского труда? От рассвета и до первых звёзд, и всё без толку...

Отзвенел колокольчик надсмотрщика, рабы-водоносы прошли за стены дворца. Чтобы скоро развернуться и снова отправиться к реке.

— Может быть, нам поговорить с кем-то, кто имеет достаточно золота, и спросить его, как у него получается быть богатым?

— Возможно... — задумался Бансир. — Как знать, вдруг есть какой-то секрет богатства, который нам недоступен?

— И вот же как совпало — именно сегодня я встретил нашего знакомца Аркада, помнишь его? Он ехал в своей позолоченной колеснице, исполненный величия. Я и не думал, что он приметит меня в толпе, — такие люди обычно скользят невидящим взором по простолюдинам. Но он меня заметил! И даже помахал рукой и улыбнулся. Я даже испытал гордость — сам Аркад поприветствовал простого музыканта Кобби, будто старого друга.

Бансир был восхищён.

— Считается, что он — самый богатый человек во всём Вавилоне!

— Поговаривают, будто сам царь спрашивает у него совета по управлению казной.

— Да... — протянул Бансир. — Самый богатый человек... Настолько богатый, что, повстречай я нашего старого знакомца одного в тёмном переулке, не удержусь от того, чтобы срезать его увесистый кошелек.

— Да брось ты! — возразил Кобби.

**— БОГАТСТВО — НЕ В КОШЕЛЬКЕ.
ЗОЛОТО УТЕКАЕТ ОТТУДА БЫСТРО
И БЕССЛЕДНО, ЕСЛИ КОШЕЛЁК ИМ
НЕ НАПОЛНЯТЬ.**

А кошелёк Аркада полон всегда, сколько бы он ни тратил, потому что туда регулярно рекой стекается золото.

— Хотел бы я иметь такой доход, который как будто существует сам по себе. А я бы сидел и ничего не делал. Или путешествовал бы. Или хотя бы работал вдвое меньше, чем сейчас. Чтобы встречать первые звёзды, не склонившись над колесницей, а с чашей, полной вкуснейшего вина, под музыку, которую играет добрый друг Кобби на самой искусной из всех существующих лир. Да, Аркад точно должен знать, как приблизиться к такой жизни и пустить реку под названием «Доход» в свой кошелёк. Как думаешь, захочет ли он донести свою мудрость до такого простофили, как я?

— Он же поделился этой мудростью с Номасиром, своим сыном. Я слышал, кто-то рассказывал в нашем трактире, что Номасир отправился в Ниневию и сумел без помощи отца сколотить себе целое состояние. И стал одним из богатейших людей в том городе.

Глаза Бансира заблестели, как блестит золотой сикель под солнцем, выжигающим долину Евфрата.

— Мы должны отправиться к Аркаду и спросить совета у нашего доброго друга. Это же ничего нам не будет стоить? В наших кошельках гуляет ветер, но пора

это менять. Жить бедняками, когда вокруг столько роскоши! Хватит. Ты и я, Кобби, должны стать богатыми людьми и открыть наши кошельки всяким доходам.

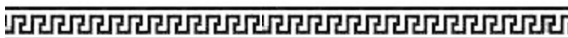
— Великие слова, друг мой! Кажется, я понял, что с нами не так. Мы небогаты, потому что никогда не стремились к этому. Как ты там говорил про наших сыновей? Не мыслят дальше, чем миска похлёбки. Но ведь и мы мыслим точно так же. Я всегда желал одного — сыграть и спеть, получить свои медяки, купить на них крупы или мяса и принести домой еду. И так каждый день, «от реки до садов и обратно». Но всё изменится с этого дня.

**МЫ ПРЕУСПЕЛИ В ТОМ, ЧТО МЫ ДЕЛАЕМ,
И ПОРА ДВИГАТЬСЯ ДАЛЬШЕ.
ТЕПЕРЬ НАМ НУЖНО ОСОБОЕ ЗНАНИЕ,
КОТОРОЕ НАПОЛНИТ НАШИ КОШЕЛЬКИ
ЗОЛОТОМ И СЕРЕБРОМ.**

— Отправимся к Аркаду сей же час, — решительно сказал Бансир, махнув рукой на недоделанную колесницу. — Только сперва соберём наших друзей, кто живёт так же, как и мы. Мудрость ничего не будет нам стоить, так пусть и у других появится шанс.

— Да случится так, дорогой Бансир. Ты всегда был добр к тем, кто тебя окружает, поэтому у тебя так много друзей. Отправимся в путь и возьмём с собой всех, кто захочет.

**САМЫЙ БОГАТЫЙ
ЧЕЛОВЕК
В ВАВИЛОНЕ**

ЖИЛ НЕКОГДА В ДРЕВНЕМ ГОРОДЕ ВАВИЛОНЕ ЗАЖИТОЧНЫЙ человек по имени Аркад. Слава о его богатстве и блеске его золота расходилась далеко за стены Вавилона и долетала даже до соседних царств. Но все знали, что Аркад не только богат, но и щедр. Он не скупился на помощь нуждающимся, содержал в роскоши свою большую и любимую семью — тратился и на одежды, и на драгоценности, и на колесницы. Все, кто жил под сенью Аркада, чувствовали себя в достатке. Он тратил легко — золото текло из его кошелька, не встречая препятствий. Но, на удивление, с каждым годом щедрый Аркад становился всё богаче, а его кошелек — тяжелее. Он просто не успевал потратить столько, сколько приходило к нему извне.

Однажды на порог его роскошного дома пришли приятели, с которыми он был дружен в детстве, и сказали ему:

— Приветствуем тебя, самый богатый человек в Вавилоне. Помнишь ли ты нас?

Аркад помнил — все мальчишки, с которыми он играл ребёнком, все те, кто так же, как и он, слушали

мудрые речи жрецов. Но это было давно. Сейчас перед Аркадом стояли бедняки, чья одежда напоминала лохмотья, а тощие кошельки на поясах едва содержали по паре медяков. Щедрый хозяин дома любезно пригласил их всех во двор своего жилища, в спасительную тень инжирных деревьев.

— Ты везучий человек, Аркад, — начал один из гостей, Бансир. — Ты ходишь в пурпурных дорогих одеждах, когда мы рады лишнему куску шерсти, чтобы залатать дыру в рубахе. Ешь изысканные блюда, вкуса которых мы и представить себе не можем, а наши дети гоняются по улицам за голубями, чтобы подбить их и отнести матерям на пироги. Мы с тобой были равны когда-то. Учились у одних жрецов, играли в одни и те же игры. И ты не превосходил нас — ни умом, ни ловкостью. Ты был точно таким же простым человеком.

— Да, таким же, Аркад, — подхватил его друг, которого Аркад раньше видел на площади. Кобби, кажется. — Мы все знаем, что такое тяжёлый труд, но ты не был усерднее нас и не гнул спину ниже к земле. Отчего же судьба, это капризное порождение богов, выбрала именно тебя? Отчего ты, равный нам, наслаждаешься благами, пока мы боремся за существование? Неужели ты заслужил это, а мы — нет?

Аркад слушал бывших друзей внимательно и сказал после, поразмыслив:

— НЕ ЗАСЛУГИ ПОБУЖДАЮТ СУДЬБУ
УЛЫБНУТЬСЯ ВАМ. ЕСЛИ ВЫ НЕ РАЗБОГАТЕЛИ
ЗА СВОЮ ДОЛГУЮ ЖИЗНЬ —
ТАК ТОЛЬКО ПОТОМУ, ЧТО НИКОГДА
НЕ ПЫТАЛИСЬ УЗНАТЬ ЗАКОНОВ БОГАТСТВА.
А ЕСЛИ И УЗНАВАЛИ — НЕ СПЕШИЛИ
ИМ СЛЕДОВАТЬ.

Ты говоришь о судьбе, Кобби, как о капризном порождении богов, но это не так. Это не девица, которая просит тебя о новом ожерелье и обещает сладкие поцелуи взамен. Судьба жестока, и не только не благословляет всякого на успех, но даже наоборот — стремится отнять у человека то, что он получил незаслуженно. Стоит кому-то получить нежданное богатство, так он начинает тратить его бездумно и скоро и быстро разоряется. Или, наоборот, становится скрягой, чахнет над своим золотом, не смея никак им распорядиться. Так и умирает он на своей горе сикелей, богатый, но голодный до радостей жизни. Кто-то неустанно думает о ворах и прячет нажитое поглубже, да так, что остаётся в тоске и одиночестве. Да, есть и такие, кому удаётся приумножить доставшееся им золото и остаться богатыми и счастливыми. Но таких очень мало. Друзья, вспомните тех, кто получил нежданное богатство, — как они им распорядились и где оказались в итоге?

Гости загалдели, припоминая каждый своих знакомцев, и потом дружно закивали.

— Так как же тебе удалось заставить жестокую судьбу улыбнуться? Как смог ты обрести столько золота и продолжаешь обретать его изо дня в день?

— Когда я был юн, вместе с вами, я всё глядел вокруг себя и видел множество замечательных вещей, которые делали людей счастливыми. Кто-то дарил своей жене украшение — и она сияла, как царица. Кто-то широко улыбался, забирая у ремесленника дорого украшенный стол в свой дом. Однажды я видел, как мужчина радовался, сгружая в телегу тюки с припасами и дарами, — он собирался в путешествие. Люди строили храмы во славу богов — и это давало им счастье на много лун вперёд. Покупали изысканные яства, и пусть тарелки быстро пустели — но в те моменты они улаждали свои чувства, довольные жизнью. И больше, и больше. Кто-то посвящает себя какому-то одному счастью, кто-то многим. Богатство — великая сила. Она даёт в руки любую возможность — хочешь, обставляй дом, хочешь, отправляйся в далёкое плавание.

Гости Аркада зачарованно следили за его рассказом — все они представляли и богато украшенный дом, и своих жён в драгоценностях, и полные приключений поездки в дальние земли.

— Тогда-то я и пообещал себе, что моя жизнь тоже наполнится всеми этими радостями. Я не буду бездействовать и ждать милости от богов, погрязая в зависти к тем, у кого есть больше, чем у меня. И не буду создавать иллюзию богатства, стараясь выдать дешёвое за дорогое, подшив тут и подкрасив там. Нет, я не буду бедняком. Я буду тем, кого пригласили к столу на этом

великом Вавилонском пиру, и человек, который приглашает меня туда, — буду я сам.

Аркад стоял перед ними, и солнце переливалось на его золотых браслетах, терялось в бахроме и ярких пурпурных одеждах. Этот человек был не просто едоком на великом Вавилонском пиру — он восседал во главе стола.

— Я был сыном обыкновенного торговца — одним из многих сыновей. Разве это сулило мне богатое наследство? Нет. Как ты заметил, Бансир, я не превосходил вас ни умом, ни ловкостью, ни прочими талантами. Я, в сущности, самый обыкновенный человек с весьма скромными заслугами. И я понял, что, если я хочу иметь много золота, — во-первых, мне нужно на это время, а во-вторых — знания. Я должен был научиться быть богатым. Времени было в избытке. К слову, каждый из вас уже множество раз упустил возможность разбогатеть — поглядите, ваши сыновья уже выросли и обзавелись своими детьми. Вы можете по праву гордиться своими достойными семьями. Но ваши кошельки по-прежнему пусты. Что же до обучения — здесь стоит привести слова нашего мудрого учителя, вы наверняка тоже их вспомните.

**ОБУЧЕНИЕ — ЭТО ДВА ПРОЦЕССА.
СПЕРВА МЫ УЗНАЁМ НОВОЕ —
ТО, О ЧЁМ НЕ ЗНАЛИ РАНЬШЕ.
А ПОСЛЕ МЫ МОЖЕМ ПРИМЕНЯТЬ
ЭТО ЗНАНИЕ, СФОРМИРОВАВ НАВЫК.**

Всегда — только так, всегда через две ступени, не нарушая порядка, — научиться чему-либо другим путём невозможно. Вот я и решил, что сперва я пойму, как стать богатым, — так жрецы сперва изучают звёзды, прежде чем браться предсказывать затмения. А потом посвящу свою жизнь тому, чтобы его приумножить. Солнце нашей жизни не светит вечно, так отчего же не купаться в его лучах? Сойти во тьму мы успеем, так нет никакого смысла закрывать небо тучами, покуда мы живы.

— И с чего же ты начал, Аркад?

— Я стал писарем. Обыкновенным писарем, и корпел в архиве градоправителя от зари и до первых звёзд над глиняными табличками. Не было им ни конца ни края, мои руки покрылись мозолями, глаза уставали до слепоты, а ладони стали красными от глины. За этот труд я получал жалкие медяки. Они уходили сразу же, как появлялись в моём кошельке, — простецкая еда, простецкая одежда, и едва оставалось на подношение богам. Но я не забыл о данном себе слове стать богачом...

...В комнату, где я работал, как-то вошёл Алгамеш — богатый ростовщик, почти уже старик. Серебряные украшения были на нём, а в кольцах переливались драгоценные камни. Он наказал мне сделать копию Девятого закона Хаммурапи.

— Сделай эту работу за два дня, и ни часом позже. Справишься — дам тебе два медяка.

Два медяка за два дня! Это было хорошей платой. Я усердно выбивал знаки на глине, прерываясь лишь на скромный ужин и короткий сон, но Девятый закон велик и сложен. Алгамеш пришёл вечером второго дня и потребовал табличку, но она была не готова. Как он разбушевался! Будь я рабом, он бы поколотил меня до полусмерти. Но я рассудил, что градоправитель не позволит ростовщику обидеть меня, поэтому набрался смелости и сказал:

— Не сердись так, Алгамеш. Да, я не успел. Но ты очень богатый человек, и я хотел бы стать таким же — когда-то я дал себе слово разузнать о секретах богатства. И мне кажется, ты обладаешь таким знанием. Если ты поделишься им со мной — клянусь, я буду сидеть над табличкой всю ночь, и к первым лучам солнца она будет готова.

Алгамеш удивлённо вскинул лохматые седые брови, но улыбнулся.

— А ты непростой малый. Хитро. Ну что же, давай заключим такую сделку — я приду к тебе на рассвете. Но помни, если ты и на этот раз не справишься, ты лишишься большего, чем просто упущенного знания.

И я просидел за клинописью всю ночь — до боли в спине, до слезящихся от чада свечи глаз. Мне нужно было это знание во что бы то ни стало. И, когда показали первые лучи солнца, — работа была сделана.

— Ты выполнил свою часть уговора, — пробормотал Алгамеш, рассматривая табличку с письменами. — Что же, теперь мой черёд. Признаться, я надеялся, что ты справишься, — ведь закат моей жизни

близок, а мудрость должна переходить от старших к младшим. Вы, юнцы, считаете наши уроки скучными, бесполезными, настолько же безнадежно устаревшими, как и мы сами. Но солнце сегодня такое же, как было при твоём отце и при его отце, и оно будет точно таким же, когда отойдут во тьму твои внуки. Мысли юнцов — метеоры. Озаряют небо на секунду и исчезают без следа в вечности. Мудрость стариков же — звёзды, чей свет неизменен, и он никуда не уйдёт. Слушали бы меня мои внуки хоть вполонину так охотно, как ты, я бы не тревожился за их будущее. А вот ты, Аркад, попросил о знаниях сам. И заслужил эту мудрость.

Алгамеш перевёл дух. Он не был глубоким стариком, но сейчас казался столетним мужем, получившим свои знания от самих богов.

— Слушай внимательно, Аркад, писарь из архива градоправителя. Ведь если ты не услышишь меня, знание ускользнёт от тебя и сегодняшняя ночная работа ничего не будет стоить.

Потом он посмотрел на меня исподлобья, как будто сам был одним из богов:

— Путь к богатству — всегда откладывать часть из заработанных денег. Значит — присваивать эту часть себе и только себе. Медяк это или серебряный сикель, всегда.

— И всё? Так просто? — спросил я его, потому что Алгамеш замолчал.

— Так просто человек превращается из пастуха в ростовщика.

— Ты говоришь, я должен присвоить себе часть заработанных денег. Но ведь они и без того мои.

— Надолго ли? Ты работаешь на градоправителя и получаешь свои медяки. Но потом кто-то другой работает уже на тебя и присваивает их себе. Твои деньги тебе не принадлежат. Ты идёшь к портному за новой рубашкой — он шьёт её, ты платишь. Ты покупаешь мешок муки на базаре, и снова твои медяки уходят от тебя. Вавилон — город, забирающий всё до последней монеты. А сколько из них ты присвоил себе за прошедший год? И ещё годом раньше? Уверен, что ничего. Ты раб, Аркад.

Он сказал это так презрительно, что я тотчас ощутил кандалы на своих руках. Возможно ли это? Алгамеш продолжал:

— Ты работаешь за муку и рубашку, ты не живёшь — существуешь за свои гроши. Но скажи мне, если бы ты всякий раз откладывал десятую часть от своего дохода, сколько бы у тебя вышло за десять лет?

Я припомнил арифметику, которой нас учили в детстве, и ахнул:

— Примерно столько, сколько я зарабатываю в год.

— Запомни, Аркад.

ВСЁ, ЧТО ТЫ ТРАТИШЬ НА СВОИ НУЖДЫ, ТЕБЕ НЕ ПРИНАДЛЕЖИТ. НО ВСЁ, ЧТО ТЫ ОТКЛАДЫВАЕШЬ, — СТАНОВИТСЯ ТВОИМ РАБОМ. КАЖДЫЙ МЕДЯК, КАЖДЫЙ ЗОЛОТОЙ СИКЕЛЬ — ТВОЙ РАБ.

И, если ты сумеешь вложить их в выгодное дело, эти рабы начнут трудиться и приносить тебе ещё больше денег. Каждый медяк, который принесёт тебе раб, — это его дитя, и оно тоже будет трудиться на тебя. Так ты придёшь к богатству, которого так жаждешь.

В моей голове уже вертелись цифры. Пожалуй, я мог бы откладывать десятую долю от своего скромного заработка, это же не так много? И на девять частей я смог бы прожить.

— Эта мудрость, — продолжил Алгамеш, — стоит в сотню и тысячу раз больше тех двух медяков, что я заплачу тебе за Девятый закон Хаммурапи. Но ты должен умно распорядиться этим знанием. Ты должен начать откладывать десятую часть от каждого медяка, который придёт к тебе в руки, не меньше. Ты сможешь откладывать больше, когда твоё богатство вырастет, но начни с этого непреложного закона. Высеки его на глиняной табличке, коли пожелаешь. Оставляй себе столько, чтобы хватало на еду и одежду, не забывай о милосердии к нищим и подношениях богам. Но начни уже платить самому себе.

Ростовщик Алгамеш указал на инжирное дерево, которое росло во дворе. Его плоды уже налились соками и падали на землю.

— Это дерево когда-то выросло из крохотного семечка. Сперва оно ничего не значило, но потом стало расти и крепнуть и теперь даёт сочные плоды. Его уже не уничтожит ветер или зной, оно укрепилось. Когда я уйду, сорви один плод и вкуси его сладость — то же ты сможешь сделать и со своим богатством однажды.